

Академик Татьяна ИВАНОВНА АЛЕКСЕЕВА

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Эту статью я посвящаю семидесятипятилетию профессора П. Влаховича, академика Черногорской академии наук и искусств, и члена Белорусской антропологической академии наук, хорошо известному в мировом сообществе антропологов, более 40 лет отдавшему служению науке о человеке.

Среди его работ по этнической истории, этнографии и антропологии балканских и южнославянских народов большое место занимают исследования проблем этногенеза, решаемых на основе данных о физическом типе населения, его материальной и духовной культуре, языке, миграционных процессах.

В числе его этногенетических приоритетов едва ли не на первом месте стоит интерес к происхождению динарского типа, характерного для населения Черногории. П. Влахович отмечает его широкое распространение не только на Динарском нагорье но и на других территориях Европы, а также прослеживает временные этапы его формирования и трансформации. Особое место в этой связи приобретают устанавливаемые по антропологическим данным этим ученым этногенетические связи народов Балкан, Пиринеев и Кавказа – концепция чрезвычайно плодотворная и требующая дальнейшей разработки.

*

Антропологические данные издавна служили историческим источником, содержащим сведения о происхождении того или другого народа, его взаимоотношениях с соседями, различных этапах его сложения. Особое значение они имеют для понимания исторических процессов у бесписьменных народов, но их роль велика и в изучении этногенеза и этнической истории народов, о которых есть археологические и этнографические данные и известны письменные источники.

Прежде всего данные антропологии позволяют определить удельный вес субстратных (местных) и суперстратных (пришлых) компонентов в этнической истории народов, следовательно, помогают решить вопрос об автохтонном или миграционном их происхождении, Физические черты очень консервативны, их малая изменчивость во времени дает возможность реконструировать линию преемственности населения определенной территории на протяжении ряда эпох, даже при отсутствии данных по какой-либо из них. Антропология помогает вскрыть процессы смещений народов в древности, выявить неблагоприятные воздействия этнологических условий в процессе становления того или иного народа.

Расовые особенности народа ни в коей мере не определяют направления исторического процесса, тем не менее, формирования его физического облика, распространение и изменение опосредованно связаны с историей этого народа.

Исследователей, занимающихся историей древнейшего славянства, волнуют несколько ключевых вопросов. Прежде всего, это вопрос об антропологическом составе славян. Иными словами, существует ли какая-то комбинация физических черт, которая может быть связана именно с славянами, или разнообразие их облика столь велико, что ни о каком антропологическом единстве не может быть и речи? Судя по данным истории, археологии, языкознания, славяне имели длительную историю. Следовательно, физический облик современных славян складывался на протяжении многих и многих веков. Каковы его истоки? Далее, если антропологическое единство славян существует, то, по-видимому, оно сформировалось на какой-то ограниченной территории. Где-же эта прародина? Если антропологический состав славян разнообразен, то что лежит в основе этого разнообразия? Каковы взаимоотношения славян с окружающим населением, и фиксируются ли они данными антропологии?

Постараемся ответить на эти вопросы, основываясь на предшествующих исследованиях антропологии славян и на новых разработках.

Этногенез восточных славян является одной из составляющих славянского этногенеза в целом, следовательно, подойти к его пониманию можно лишь через решение тех ключевых вопросов, которые имеют отношение ко всем славянским народам.

В существующей антропологической литературе отражены самые разнообразные гипотезы происхождения славянских народов. (Алексеев, 1969; Алексеева, 1973). Не детализируя, их можно объединить в две группы: одна – гипотезы генерализирующего плана, утверждающие единство антропологического состава славян, вторая – гипотезы дифференцирующего плана, согласно которым славяне отличаются антропологическим разнообразием и не образуют антропологического единства. В соответствии с генерализирующими гипотезами, история славян рассматривается как сложение на какой-то определенной территории общности физического

типа, включавшей общих предков всех славянских народов, расселение этой общности, и сложение современных народов на основе этой общности, при участии на окраине славянского ареала инородных элементов разного происхождения (Bunak, 1932а, б; Алексеева, 1973; Алексеева, Алексеев, 1989). Авторы дифференцирующих гипотез не видят антропологических аналогий между отдельными славянскими народами и полагают, что разные народы формировались из различных расовых компонентов, не связанных между собою общностью происхождения (Трофимова, 1946; Дебец, 1948). Обе группы гипотез по-разному ориентируют нас в вопросах культурной истории и глоттогенеза славянских народов: взгляды первой группы, в общих чертах, соответствуют основным генетическим положениям индоевропейского языкознания в широком смысле слова, взгляды второй – глоттогонической концепции Н. Я. Марра, под влиянием которой частично и формировались.

Что же собой представляют славяне в антропологическом отношении? Ареал славянских народов находится в рамках той обширной зоны, которая разделяет ареалы северных и южных европеидов, выделяющихся, в пределах европеидной расы, максимально светлой и максимально темной пигментацией. Население этой переходной зоны отличается промежуточной по интенсивности пигментацией и большим разнообразием локальных сочетаний антропологических признаков. Детальная их классификация до сих пор не разработана, но принято объединять локальные варианты в две группы – западноевропейскую и центрально-восточноевропейскую. Критерием для выделения этих групп является в первом случае отсутствие, во втором – наличие незначительной монголоидной примеси, выражающейся в тенденции к ослаблению роста бороды, и к уплощенности лица и носа.

В целом же, все без исключения славянские народы относятся к европеидной расе, о чем говорят существенные для расовой диагностики признаки. У славян довольно сильно растут волосы на лице и теле, характерен острый горизонтальный профиль лица, сильно выступают нос и переносье, слабо развиты скулы, отсутствует типичное для монголоидов набухание верхнего века. Принадлежность славян к европеидной расе не означает, однако, их расовой чистоты на уровне основных антропологических подразделений человечества. Смешение всегда играло огромную роль в процессах расообразования, в том числе и на территории Европы. Как показано исследованиями Н. Н. Чебоксарова (1941а), вероятное проникновение монголоидных элементов с востока на запад (возможно, до Одера) проходило в два этапа и связано хронологически с двумя разновременными событиями: медленной инфильтрацией монголоидов в неолитическое время и монгольским нашествием. Предположение о раннем проникновении монголоидности с востока с племенами ямочно-гребенчатой керамики подтверждается многими исследованиями неолитического населения

лесной полосы Восточной Европы. В собранных в разных странах материалах по физическому облику славянских народов проявляются некоторые методические различия, что затрудняет групповое сопоставление и требует большой осторожности при сравнении данных различных исследователей. Все же, с известным основанием можно говорить о пяти антропологических типах, которые представлены в составе славян и которые отличаются заметной морфологической спецификой. Они образуют компактные ареалы. Это – типы: беломоро-балтийский (название предложено Н. Н. Чебоксаровым), восточноевропейский (И. Е. Деникер), днепро-карпатский и понтийский (В. В. Бунак) и динарский (И. Е. Деникер). Каждый из них в свою очередь подразделяется на несколько меньшего таксономического ранга антропологических типов.

Беломоро-балтийскую группу популяций представляют белорусы, в какой-то мере поляки, северные территориальные группы русского народа. Это – светлокожие и светловолосые со средними размерами лица, преимущественно мезо- или брахикефалы. Беломоро-балтийская группа включается в северную или балтийскую ветвь европейцев и отличается от западнобалтийской (или атланта-балтийской), к которой относится большинство скандинавских народов, уменьшением выступающего носа, ослаблением роста бороды, незначительным набуханием верхнего века. Все эти признаки свидетельствуют об очень небольшой и древней по происхождению монголоидной примеси, появившейся в результате распространения монголоидов на запад по лесной полосе Западной Сибири и Восточной Европы в неолитическое время.

Восточноевропейская группа популяций – это все территориальные группы русского народа, за исключением северных, и часть белорусов преимущественно восточных и южных районов. Эту группу отличает от беломоро-балтийской потемнение цвета волос и глаз. Благодаря тому, что антропологическое своеобразие белорусского и русского народа изучено почти исчерпывающим образом (Происхождение и этническая история..., 1965; Алексеев и др. 1994; гл. II), на территории Восточно-Европейской равнины выделено и охарактеризовано несколько местных комбинаций признаков, различающихся, в основном, вариациями головного указателя, шириной и пропорциями лица. Происхождение основных антропологических особенностей восточно-европейской группы популяций, по мнению В. В. Бунака (Происхождение и этническая история..., 1965), восходит к неолиту. Действительно, в эпоху неолита антропологический состав населения Восточной Европы складывался на основе взаимодействия трех локальных типов: северного, южного и уральского. Наиболее распространенной комбинацией признаков была долихомезокrania, широкое, среднее и выше среднего лицо, сильная горизонтальная профилировка и сильное выступание носа. В основном, этими особенностями характеризуется население нарвской и волосовской культур. Наряду с этим типом в эпоху

неолита распространяются физические черты населения, связанного с культурой ямочно-гребенчатой керамики – несколько уплощенное лицо и ослабленное выступание носа. По всей видимости оба эти типа являлись антропологической основой для формирования значительной части населения Восточно-Европейской равнины, которое в качестве субстрата (повидимому финно-угорского) вошло в состав восточнославянского населения, осваивавшего лесостепные пространства Восточной Европы.

Днепро-карпатскую группу популяций можно включить украинцев, прикарпатские этнографические группы, словаков, частично чехов. Это довольно темнопигментированное, брахикефальное население, характеризующееся относительно широким лицом. Краниологические аналогии ему мы находим в населении, оставившем средневековые славянские могильники в Словакии и Бранештский могильник в Молдавии (Сводка данных по западным и южным славянам, см. (Алексеева, 1973; Великанова, 1975). Темнопигментированные и довольно массивные брахикефалы, входящие в днепро-карпатскую группу популяций, в морфологическом отношении весьма сходны с представителями альпийского типа (по У. Рипли) – население Австрии, Швейцарии и, частично, Северной Италии. Возможно, днепро-карпатская группа популяций представляет собой северо-восточный вариант этой локальной расы.

Наиболее типичными представителями понтийской группы популяций из славянских народов являются болгары. Очень темный цвет волос, средний рост, долихо- или мезокефалия, средне-широкое или узкое лицо – вот характерные особенности этой комбинации (Попов, 1959). Весьма близкая комбинация признаков прослеживается и среди русского народа. Это так называемый «восточный великорус» Г. Ф. Дебеца (1993) и дон-сурский антропологический тип В. В. Бунака (Происхождение и этническая история..., 1965). Понтийские черты отмечены В. В. Бунаком и в восточнославянском населении эпохи средневековья (Bunak, 1932).

Происхождение понтийской комбинации, как одного из вариантов южной ветви европеидов, прослеживается на территории Восточной Европы по палеоантропологическим данным с эпохи неолита, хотя не исключено и более раннее проникновение носителей южноевропейских черт в этот регион. Судя по краниологическим данным, движение представителей понтийского типа в южно-русские степи и в Поволжье из Средиземноморья и с Кавказа продолжается до эпохи поздней бронзы. След его мы видим и в восточнославянском населении, составляющем основу полянской этнографической группы эпохи средневековья, и в современном населении Украины, относящемся к прутскому антропологическому типу (Дяченко, 1965), и в русских Дон-Сурского региона (Происхождение и этническая история..., 1965). Можно думать, что понтийский антропологический тип на территории Восточной Европы входит в состав восточных славян через местные компоненты древнего происхождения.

Наконец, динарская группа популяций охватывает высокогорные народы Югославии; наиболее ярко динарские особенности проявляются у черногорцев. На территории Черногории живут самые высокие среди европейцев люди; динарцам свойственна резкая брахикефалия, очень большая ширина лица, преобладание выпуклых форм носа, значительное развитие волосяного покрова. По сравнению с другими территориальными вариантами южной ветви европейцев, они отличаются некоторой светлоглазостью. Вся эта комбинация признаков похожа на морфологический комплекс, носителями которого являются народы Центрального Кавказа. На этом основании некоторые авторы высказываются в пользу их генетического родства. Вопрос о формировании динарской группы популяций не получил в существующей антропологической литературе однозначного решения. С одной стороны, многие признаки динарской комбинации как будто древние, с другой – в палеоантропологических материалах аналогии ей находятся с трудом. Правда, на Кавказе в III тыс. до н. э. выявляются сходные черты в представителях куро-аракской культуры (Армения, могильник Беркабер (Алексеев, Мкртчян, 1989). Что касается славян, характеризующихся признаками динарской расы, то возникают они из-за контактов с местным дославянским населением. В доказательство этого положения приведу результаты нашего исследования влашского населения середины XV века с территории Боснии и Герцеговины, принимавшего участие в сложении антропологических особенностей южных славян: в этом населении комбинация признаков, типичных для динарцев, выражено особенно отчетливо (Алексеева, Лебединская, 2002).

Краткий обзор антропологического состава славянских народов показывает, что антропологически современные славяне не отличаются единством, более того, они представляют разные ветви европейской расы. Те признаки, которыми характеризуются отдельные группы славян, отмечены и у соседних народов. Так, например, беломоро-балтийский и восточноевропейский типы встречаются в среде балтийских и финских народов, а также некоторых тюркоязычных народов Поволжья; днепро-карпатский – у венгров и австрийцев; понтийский и динарский – у народов Северного и Центрального Кавказа, у албанцев.

Как же трактовать такое антропологическое разнообразие славян? Может быть, не было исходной общности физического облика и, следовательно, не было прародины? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к исследованиям средневекового населения, известного по многочисленным славянским могильникам Центральной, Восточной и Южной Европы.

Большинство краниологических серий принадлежит X-XII вв., так как до этого времени господствовал обряд трупосожжения. Преобладающей комбинации антропологических признаков в славянском населении оказывается долихомезокrania, средняя ширина лица, резко профилированное лицо и среднее или сильное выступание носа. Кроме того, пропорции

лицевого скелета и черепной коробки, а также их соотношение позволяют отметить определенное единство средневекового славянского населения. В то же время, обращает на себя внимание сходство его со средневековыми балтами и явное отличие от средневековых германцев (Алексеева, 1973; Алексеева и др. 1993). Краниологические данные дают возможность проследить истоки формирования того морфологического своеобразия, которое отличает все в целом славянские народы. Аналогичный антропологический комплекс прослеживается в более раннее время в палеоантропологических материалах из могильников культуры шнуровой керамики, распространенной в Центральной Европе и в Прибалтийском регионе в эпоху бронзы. Есть основание думать, что формирование славян происходило в ближайшем соседстве с балтами на сходной антропологической основе. Такой вывод подтверждает неоднократно аргументировавшийся лингвистами факт былого балто-славянского единства.

Рис. 1. Антропологическая дифференциация средневековых этносов циркум-балтийского региона по некоторым пропорциям мозгового и лицевого отделов черепа (Алексеева и др., 1993)

Признаки обозначены по Мартину:
1 – продольный диаметр черепа,
8 – поперечный, диаметр черепа, 17
– высота черепа, 45 – скуловая,
ширина, 48 – верхняя высота
лица, 54 – ширина носа

Антропологически и современное восточно-славянское население, белорусы, например, и средневековые верхнеднепровские кривичи, радимичи, дреговичи, принимавшие участие в сложении белорусского народа, демонстрируют черты сходства с балтами. Однако, не со всеми, а с теми группами, которые в эпоху железа территориально связаны с Верхним Поднепровьем – ятвягами и носителями культуры штрихованной керамики. В это время здесь отчетливо выражены такие черты физического облика, как массивная удлиненная голова, низкие глазницы, среднеширокое невысокое лицо – черты, восходящие, как показывают антропологические материалы предшествующих эпох, к глубочайшей древности.

Антропологическое сходство некоторых этнических объединений восточных славян с балтами подтверждается различными системами антрополо-

гичеких признаков – соматологией, дерматоглификой и одонтологией.

По данным археологии, языкознания и по летописным источникам, до появления славян в Восточной Европе балты занимали огромные пространства по Неману, Западной Двине, в верховьях Днепра и Оки.

В широком пространстве от Балтийского моря до среднего течения Волги были расселены многочисленные финно-угорские народы, участие которых в этногенезе восточных славян демонстрировалось неоднократно. Долихокрания, узколицый, со средней высотой лица, с ослабленным или средне-выступающим носом антропологический комплекс, типичный для вятичей и восточных кривичей, а также проявляющийся в некоторых финно-угорских группах Поволжья, весьма сходен, как показали исследования С. Г. Ефимовой с антропологическим типом населения пянборской (азелинской) культуры первой половины I тыс. н. э. Последнее по-видимому, восходит к населению ананьинской культуры, хотя и отличается от него большей выраженностью европеидных черт. Антропологические особенности ананьинского населения не имеют аналогии ни в синхронных материалах, ни в более ранних сериях поздней бронзы и периода, переходного к железу на территории Восточной Европы.

Соприкосновение восточных славян с потомками скифо-сарматского населения на землях среднего и нижнего течения Днепра и его притоков, в бассейне Южного Буга, с многочисленными кочевническими группами причерноморских степей также оставило след в генезисе антропологических особенностей восточнославянских народов.

Участие южно-европеидного компонента в формировании физических особенностей как современных, так и средневековых восточных славян отмечалось неоднократно, однако, его истоки были недостаточно ясны. В своей монографии, посвященной этногенезу восточных славян (Алексеева, 1973), я обратила внимание на участие скифских племен в формировании антропологического облика населения черняховской культуры, а последнего – в сложении физического типа полян. Близкая точка зрения была высказана М. С. Великановой (1975). Однако, в последнее время число находок, относимых к черняховцам, значительно возросло, и они уже не представляются столь однородными, как это было до сравнительно недавнего времени. Среди населения черняховской культуры выделяется несколько антропологических комплексов, своим присутствием подтверждающих как значительные размеры территории, занимаемой черняховской этно-культурной общностью, так и ее разноэтничный состав.

В северо-западной части расселения черняховских племен выделяется массивный долихомезокранный комплекс, резко профилированный, с низким и узким лицом, с широкими и низкими орбитами. Подобные черты характерны для населения Литвы в позднеримское время. В мезокранном варианте он присутствует на территории Крыма и Северного Кавказа. В южной и юговосточной части черняховского ареала преобладает мезокран-

ный, среднешироколицый, с более высокими орбитами и среднепрофилированным лицом, антропологический тип, обнаруживающий некоторое сходство с физическими чертами сармат.

Значительная часть черняховских серий, мезоморфных по своему строению, по мнению С. Г. Ефимовой (1996), сходна со средневековыми сериями вестготов Кастилии, средневековой серией с о-ва Готланд, с некоторыми сериями вельбарской культуры, определяемой археологами как готская (Rożnowski, 1985). Другая, более грацильного строения, сходна с вестготами Португалии, скандинавской серией гольштадского времени, вельбарской культуры долины Вислы и с более поздними краниологическими материалами из Мекленбурга.

Таким образом, исследования недавнего времени антропологического состава черняховцев вполне убедительно показали роль готского этноса в их этногенезе.

Что касается проявления физических особенностей европейских скифов в антропологическом облике населения черняховской культуры, то в свете новых данных, они оказываются незначительными. С. Г. Ефимова (Восточные славяне... 2002) показала, что по пропорциям лица и черепа черняховцы ближе к синхронным европейским группам, чем к скифам. К последним близки только серии из Коблева и Маслово, остальные же характеризуются более узким и низким лицом, а также более грацильным черепом.

В то же время нельзя сбрасывать со счета выявленную нами цепочку связи: скифы-черняховцы-поляне. Да и по мнению В. В. Седова (1994), в составе черняховской этно-культурной общности сформировалась одна из группировок славян – анты. Совершенно очевидно, что проблема черняховско-славянской преемственности и формирования антропологического состава черняховцев еще ждет своего исследователя.

Проявление так называемых неопонтийских черт в физическом облике восточных славян может быть связано не только с черняховцами, но и с другими этническими группами предшествующего времени. Прежде всего, с значительным пластом аланского населения Верхнего Дона VIII-IX вв. н. э., ранние предки которого в своем генезисе тяготеют к Кавказу.

Как показали исследования древнейшего населения Восточной Европы (Восточные славяне... 2002), экспансия групп, характеризующихся южно-европеидными чертами, на территории Восточной Европы была и продолжительна и велика по своему территориальному размаху. Эти черты проявляются у многих современных народов Восточной Европы. В состав восточных славян они могли войти через алан и через какую-то часть черняховского населения, генетически связанного с древним населением южнорусских степей, на ранних этапах освоения славянами этой территории.

Восточнославянское население средневековья испытало воздействие и кочевников южнорусских степей. В антропологических данных, правда, эти контакты не столь явственны, как контакты с другими этническими

группами Восточной Европы (Алексеева, 1973). Большинство известных по антропологическим материалам кочевнических групп отличается крупными размерами мозгового и лицевого отделов черепа, уплощенностью лица, слабым выступанием носа, т. е., несет в себе явные признаки монголоидности. В городских средневековых кладбищах Киева и Чернигова обнаружены отдельные погребения воинов-степняков монголоидного облика, находившихся на службе у русских князей, но, по-видимому, заметного следа в облике восточнославянского населения они не оставили. Так же, как не оставило заметных следов и нашествие татаро-монголов. Лишь в очень слабой форме контакты с кочевниками прослеживаются в районах бывших татаро-монгольских форпостов и на юго-восточных границах Древней Руси. В последнем случае это может быть и наследием савромато-сарматских племен, с которыми по южно-русским степям в конце железного века распространяется мезобрахикранный, относительно широколицый, с высоким переносом и сильно выступающим носом, европейский комплекс, с некоторым ослаблением профилированности лица в горизонтальной плоскости. Как показали исследования С. Г. Ефимовой (1997), начиная с савромато-сарматского времени, формируется антропологический пласт, во многом определяющий особенности физического типа степного населения Восточной Европы вплоть до позднего средневековья.

Судя по вещевому комплексу славянских погребений, находкам материальной культуры на городищах и селищах, славянская колонизация носила характер внедрения преимущественного мирного земледельческого населения в инородную среду. В результате этого процесса основным фактором формирования антропологического облика славян была метисация. Более того, как выяснилось при изучении демографической структуры пришельцев и местного населения, метисация была стратегией выживания славян на новых землях (Алексеева и др. 1993).

Факт смешения подтверждается рассмотрением внутригрупповых корреляций в пределах всего восточнославянского населения эпохи средневековья (Алексеева, 1973). Выяснилось, что в сложении физического облика восточных славян принимало участие, по крайней мере, два морфологических комплекса. Один характеризуется долихокранией, крупными размерами мозгового и лицевого отделов черепа, резкой профилированностью лица, сильным выступанием носа. Этот комплекс, как отмечалось выше, имеет явно западное происхождение. Другой – отличается меньшими размерами лица и черепной коробки, мезокранией, ослабленным выступанием носа и незначительной уплощенностью лицевого отдела черепа, т. е., чертами слабо выраженной монголоидности. Процентное соотношение этих комплексов меняется в зависимости от географической локализации славянских племен – по направлению к востоку увеличивается удельный вес антропологического комплекса, характеризующегося незначительной монголоидной примесью. Комплекс с ослаблением европейских черт рас-

пространен среди финно-угорских групп Восточной Европы – летописных мери, муромы, мешеры, чуди, веси, известных по могильникам северо-западной части Восточной Европы, Волго-Окского междуречья и Поволжья. Это население, подвергавшееся славянской колонизации, передало свои черты новгородским словенам, вятичам и восточным группам кривичей, впоследствии ставшим основой русского народа.

Антропологический комплекс с резко выраженными европеидными чертами распространен среди средневекового летто-литовского населения, особенно среди латгалов, аукштайтов и ятвягов. У восточных славян этот комплекс проявляется среди волинян, полоцких кривичей, древлян, положивших начало беларусскому и, частично, украинскому народам. На территории полян, ставших впоследствии антропологической основой украинского народа, в эпоху средневековья обнаруживаются черты ираноязычного населения, известного по могильникам алан и некоторой части населения черняховской культуры. В южной части ареала русских и юго-восточной – украинцев, что явствует из исследования средневекового и современного населения этих территорий, обнаруживаются антропологические черты, восходящие к савромато-сарматскому этно-культурному сообществу. Все эти факты позволяют заключить, что антропологическая дифференциация средневекового восточнославянского населения в значительной мере отражает антропологический состав населения Восточной Европы до прихода славян.

В этой связи не могу не обратиться к данным, полученным на основе обобщенного картографического анализа материалов Русской антропологической экспедиции, произведенного Ю. Г. Рычковым и Е. В. Балановской (1988). Этот метод, в основе которого лежит представление о «ядерных структурах» в антропологическом составе тех или иных народов, фиксируемых на антропологических картах, как о сгустках генетической информации, кажется очень перспективным. По мнению авторов этого исследования, метод непрерывного картографирования отчетливо выявил в составе русского населения три ядерные структуры – западную, восточную и центральную. Восточное ядро отражает дославянский субстрат в формировании антропологического состава русского народа, центральное – длительную и интенсивную метисацию, по своим последствиям приближающуюся к панмиксии, а западное – связано с собственно летописными славянами. Наиболее типичный для русских следует считать центральную ядерную структуру, что вполне идентифицируется с восточно-европейским антропологическим типом, выделенным В. В. Бунаком (Происхождение и этническая история..., 1965).

В эпоху позднего средневековья дисперсность антропологических черт значительно ослабляется. В это время наблюдается явная европеизация славянского населения центральных областей Восточной Европы. По-видимому, это объясняется приливом славянского населения из более запад-

ных областей. Особенно это явствует из материалов по современному русскому населению. По мнению В. В. Бунака, русское население представляет сравнительно однородную группу антропологических вариантов, сходных с центрально-западноевропейским населением (Происхождение и этническая история... 1965).

Представление об общем для всего русского населения антропологическом типе подтверждается многочисленными краниологическими данными, относящимся к XVII-XVIII вв., и охватывающими почти всю территорию нынешнего расселения русского народа, за исключением Сибири (Алексеев, 1969). В. П. Алексеев подчеркнул как особо важное обстоятельство исключительное морфологическое сходство всех краниологических серий современного русского народа. Все локальные варианты, отклоняющиеся от основного антропологического типа очень незначительно, проявляются в пределах единого гомогенного типа. В наибольшей степени эти отклонения характерны для пограничных областей ареала, заселенного русскими. Эти локальные варианты представлены на карте, составленной В. В. Бунаком по материалам Русской антропологической экспедиции и охарактеризованы дополнительно с помощью методов многомерной статистики (Восточные славяне... 2002).

Восточнославянское население эпохи средневековья, как уже отмечалось, более гетерогенно, и в значительной степени эта гетерогенность обязана своим происхождением местному населению, ассимилируя которое, славяне осваивали новые территории. Антропологические данные по древнейшим эпохам Восточной Европы, свидетельствуют о глубинных истоках этого субстрата. Помимо морфологических характеристик, обнаруживающих преемственность населения Восточной Европы на протяжении длительного времени, исчисляемого несколькими тысячелетиями, и вскрывающих основные пути миграции инородного населения на эту территорию, значительную информацию о сложении генофонда народов Восточной Европы представляют в наше распоряжение данные исторической геногеографии (Рычков, Ящук, 1980). Авторы этого исследования убедительно показали, что «геногеография народонаселения способна напрямую связывать генетическую действительность современных поколений с древностью, какой бы глубокой она ни была».

Синтетические карты восточноевропейского генофонда выделяют два главных компонента в его историко-географической структуре. Один из них – Русская равнина, генетический рельеф которой означает, что в генофонде ее населения равномерно распределяются генетические влияния древних племен лесного севера и степного юга. Другой – прикарпатско-среднеднепровская область, генофонд которой, унаследован населением восточной Европы от более южных палеопопуляций, распространивших свое влияние на всю Восточноевропейскую равнину от Причерноморья, Приазовья, Подонья и Поволжья до Прибалтики и Верхней Волги. Геногеографическая картина, как видим совпадает с результатами палеоантро-

пологического исследования древнейшего населения Восточной Европы Восточные славяне... 2002).

Итак можно более или менее уверенно говорить о значительной роли субстрата в сложении антропологического состава восточных славян. В их физическом облике явственно проступают черты, присущие балтам, финно-уграм и ирано-язычным группам, населяющим Восточную Европу до прихода на эту территорию славян. Как показали предшествующие исследования, и другие подразделения славян, а не только восточные, обнаруживают черты субстрата (Алексеева, 1973). Так, южные славяне, например, демонстрируют особенности антропологического облика, присущего фракийцам, античным грекам, потомкам иллирийцев. В некоторых группах западных средневековых славян прослеживаются черты, типичные для герменцев.

В связи с этим возникает вопрос, существуют ли какие-то морфологические особенности, присущие всем славянам, независимо от их географической локализации, и вопрос этот непосредственно связан с проблемой их прародины.

Результаты анализа краниологического материала, относящегося к различным этническим группам Европы, показали значительную близость антропологического состава славянских групп, их отличие от германцев (в пропорциях лицевого и мозгового отделов черепа) и сходство с балто- и финно-язычными народами (Алексеева, 1973). Это обстоятельство позволяет сделать вывод об определенной антропологической общности славян, географически приуроченной к зоне контакта с балто- и финно-угорскими народами. Эта общность по-видимому, предшествовала периоду расселения славян на обширных просторах Европы. Многочисленные контакты славян с иноязычными народами и их ассимиляция, а также условия географической и социальной изоляции и консолидация отдельных племен в период сложения славянских народностей, не могли не привести к нарушению антропологического единства и созданию локальных антропологических типов.

Особого внимания заслуживают у славян вариации таких признаков, как черепной указатель скуловой диаметр. Наибольшие значения скулового диаметра обнаруживаются в междуречье Одера и Днепра, проявляясь как в долихокранных так и в мезокранных группах населения. По направлению к западу, югу и востоку величина скулового диаметра убывает в результате смешения с германскими (на западе), финно-угорскими (на востоке) группами и населением Балканского полуострова (на юге). Зона относительной широколицести локализуется в пределах обширной территории, ограниченной верхним течением Западной Двины на севере, верхним и средним течением Вислы на западе, левыми притоками Дуная в среднем его течении, правыми притоками Днепра в среднем и нижнем его течении на востоке (Алексеева, 1973; Алексеева, Алексеев, 1989, рис. 2). Это территория так называемых «славянских древностей», из которой, по мнению Л. Нидерле (1956), осуществлялось расселение славян в лесостепные просторы Восточной Европы и за Дунай.

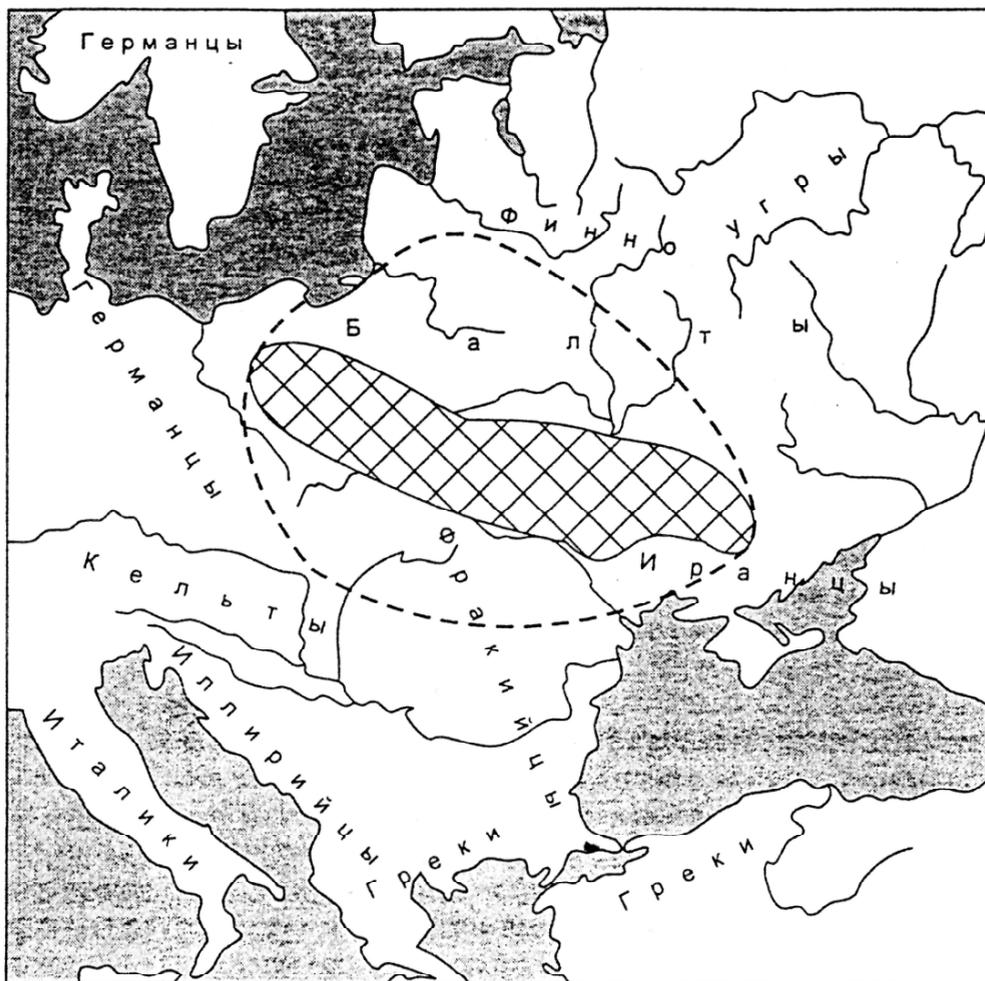

Рис. 2. Предполагаемая прародина славян по данным:
1 – антропологии, 2 – археологии

По современным археологическим данным, территория возможной прародины славян вписывается в этот регион, независимо от того, с какой культурой ассоциируется древнее славянство (Седов, 1994а).

Данные антропологии, таким образом, склоняют к гипотезе славянского этногенеза. Они позволили сделать заключение о существовании исходного антропологического единства славян и, следовательно, их прародины, очертить примерные ее границы, понять причины антропологического разнообразия славян на разных этапах их этнической истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П. *Происхождение народов Восточной Европы*. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1969. 324 с.
- Алексеев В. П., Мкртчян Р. А. *Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения руро-аракской культуры*. // Сов. этнография. 1989. № 1. С. 127-133
- Алексееву В. П., Вімау М. У., Цягяка Л. І. *Расавая геаграфія беларусаў і праблемы этнагенезу*. Мінск: 1994. 128 с.
- Алексеева Т. И. *Этногенез восточных славян*. М.: Изд-во МГУ, 1973. 320 с.
- Алексеева Т. И., Алексеев В. П. *Антропология о происхождении славян* // Природа. 1989. № 1. с. 60-69
- Алексеева Т. И., Макаров Н. А., Балужева Т. С., Сегеда С. П., Федосова В. Н., Козловская М. В. *Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология* // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.: 1993. с. 3-78
- Алексеева Т. И., Лебединская Г. В. *Влахи...* Glasnik Antropološkog društva Jugoslavije, knj. 37, Beograd 2002.
- Великанова М. С. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. М.: Наука, 1975. 283 с.
- Восточные славяне. *Антропология и этническая история*. М., Научный мир, 2002, 336 с. 2-ое изд.
- Дебец Г. Ф. *Так называемый восточный великорусс (к вопросу о пранародах и проторасах)* // Антропол. журн. 1993. № 1-2. с. 34-69
- Дебец Г. Ф. *Палеоантропология СССР* // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. 1948. Т. IV. 392 с.
- Ефимова С. Г. *К краниологии Волго-Камья в эпоху раннего железа* // Вопр. антропологии. 1981. Вып. 67. с. 64-73
- Ефимова С. Г. *Палеоантропология Поволжья и Приуралья*. М.: Из-во МГУ. 1991а. 95 с.
- Ефимова С. Г. *Средневековая Европа: антропология и миграции населения* // Природа. 1996. № 7. с. 80-93
- Ефимова С. Г. *Антропологические данные к вопросу о территориальной дифференциации сарматских племен* // Кр. Сообщ. О научных работах научно-иссл. Ин-та и Музея антропол. МГУ за 1995-1996 гг. М.: 1997. с. 69-75
- Нидерле Л. *Славянские древности*. М.: Изд-во Иностран. лит-ры, 1956. 450 с.
- Попов М. *Антропология болгарского народа. Физический облик болгар*. София: 1959. 429 с.
- Происхождение и этническая история русского народа* // Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. Сер. М.: 1965. Т. 88. 265. с.
- Рычков Ю. Г., Балановская Е. В. *Обобщенный картографический анализ в антропологии. Отражение летописных славянских племен в антропологической географии современного русского населения* // Вопр. Антропологии. 1988. Вып. 80 с. 3-37
- Рычков Ю. Г., Ящук Е. В. *Генетика и этногенез* // Вопр. Антропологии. 1980. Вып. 64 с. 23-39
- Седов В. В. *Славяне в древности*. М.: 1994. 338 с.
- Трофимова Т. А. *Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья* // Сов. этнография 1946. № 1. с. 91-136
- Чебоксаров Н. Н. *Монголоидные элементы в населении Центральной Европы* // Уч. записки МГУ. М.: МГУ, 1941. Вып. 63. с. 235-270

Bunak V., *Neues Material zur Aussonderung Anthropologischer Typen unterder Bevoelkerung Osteuropas* // Zs. Morphol. Anthropol. 1932a. Bd. XXX, H. 3. P. 441-503

Bunak V., *The Craniological Types of the East Slavic Kurgans* // Anthropol. Prague, 1932. T. X. P. 270-310

Rożnowski F., *Stosunki antropologiczne na terenach zajetyh w okresie Rzymskim przez ludnosc kultury wielbarskiej i ludnosc kultury czerniachwskiej* // Teoria i empiria w Polskiej Szkole antropologicznej. Seria antropologia. Poznan, 1985. № 11. P. 239-249.